

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Р.Х. Кочесоков

Северный Кавказ уже несколько веков как интегрирован в российское социальное пространство. Однако социальные процессы динамичны, раз и навсегда интегрированных обществ не бывает, на каждом историческом этапе развития общества появляются вызовы, ставящие под угрозу существующее единство. В этом смысле проблема реинтеграции Северного Кавказа в Россию встает отнюдь не впервые. Прежде чем перейти к анализу современной ситуации, правомерно совершить небольшой исторический экскурс.

Многовековое дружное сосуществование народов России доказывает, что в различные исторические эпохи вырабатывались достаточно эффективные и соответствующие духу времени модели интеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство.

Первую модель можно условно обозначить как «царскую модель» интеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство. Геополитические тренды исторического процесса в Новое время детерминировали попытки великих держав распространить свое влияние на Северный Кавказ. В сложившихся условиях народам Северного Кавказа пришлось сделать «исторический выбор». Выбор делался в пользу более эффективного и оптимального для выживания и развития народов Северного Кавказа варианта. Конечно, этот выбор дался нелегко, однако постфактум можно констатировать, что он был исторически правильным. В «царской модели» преобладала *военно-политическая* интеграция. Иными словами, стороны объединяли главным образом интересы военно-политического характера. Россия была заинтересована в расширении своего геополитического пространства, а народы Северного Кавказа – в защите своей самобытности. Не случайно некоторые историки определяют такой тип отношений как военно-политический союз [4]. Хотя экономические и культурные отношения развивались, говорить о глубокой интеграции народов Северного Кавказа по этим направлениям в российское социальное пространство нельзя. Поэтому крушение царского самодержавия вновь актуализировало проблему интеграции.

В этих условиях наиболее оптимальной стала «советская модель» интеграции. Несмотря на противоречивые и болезненные процессы, советская модель в гораздо большей степени интегрировала народы Северного Кавказа в российское социальное пространство. Несомненными преимуществами советской модели перед царской являются всесторонность и глубина реинтеграционных процессов. Они коснулись всех сфер социальной жизни. В идеологической сфере важным фактором реинтеграции стало выдвижение

привлекательной для всех сторон идеологии – строительство более справедливого коммунистического общества. Экономическая интеграция заключалась в создании на местах отраслей экономики и их включение в единый народно-хозяйственный комплекс. Культурная интеграция основывалась на лозунге «культура национальная по форме, социалистическая по содержанию». Политическая интеграция основывалась на предоставлении народам Северного Кавказа собственной государственности, ставшей составной частью единого советского государства. Принцип федерализма, хотя во многом и был декоративным, несомненно, стал эффективной формой политического объединения. Наиболее уязвимыми аспектами советской модели были политический режим, все более сковывавший регионы, и идеология, которая по мере ее «не реализации» все больше теряла свой интегративный потенциал. Крушение СССР потребовало пересмотреть формы и механизмы интеграции.

Говорить о том, что «постсоветская модель» реинтеграции сложилась, пока явно преждевременно. В ее становлении можно выделить два этапа, которые кардинально различаются по своему вектору развития.

На первом этапе (первое постсоветское десятилетие) российские политические элиты, увлеченные наивно понимаемым либерализмом, опирались на положение о том, что «рынок все расставит по своим местам». Считалось, что экономические интересы сами по себе объединят народы. Одновременно предполагалось через новую децентрализацию прийти к новому типу объединения (так называемый «парад суверенитетов»). Следует заметить, что предложенные идеи сами по себе были позитивными, но они фундаментализировались на упрощенном, наивно-реалистическом видении сложных процессов развития социального бытия. В любом случае, стремясь преодолеть наиболее негативные стороны советской модели – идеологическую диктатуру и авторитарный тип отношений между центром и регионами – политическая элита на самом деле ослабила единство [9, с. 9].

На втором этапе (с начала нулевых) обозначился постепенный отход от прежних видений проблемы реинтеграции. Наряду с субъективным фактором в лице нового политического руководства, немаловажное значение имели и некоторые объективные обстоятельства, благоприятствовавшие этим изменениям. В этом плане можно отметить, что они могут способствовать выработке и становлению новой модели интеграции.

Следует признать, что в позднесоветские и первые постсоветские годы не только политическая элита, но и большинство населения были ориентированы на наивно понимаемую модель либерализма. Поэтому многие искренне ратовали за скорейший переход на западную модель общества. В этих условиях разработка какой-то новой модели общества считалось чем-то излишним и даже бессмысленным. Теория «конца истории» прямо или опосредованно повлияла на общественное сознание: мол, зачем создавать новую идеологию, когда и так понятно, какая идеология является наиболее оптимальной.

Позитивным следствием динамики общественного сознания россиян в последние десятилетия можно признать понимание того обстоятельства, что

либеральная (западная) модель отнюдь не оптимальная для нас и далеко не такая совершенная, как казалось раньше. Можно сказать, что общество «прозрело» и стало более трезво смотреть на социальную реальность. Но вместе с тем обозначилась и вызывающие определенную тревогу и озабоченность тенденции. В общественном сознании начинает происходить крен в противоположном направлении. Об этом говорить то обстоятельство, что слишком большое внимание стало уделяться проблеме самобытности нашего общества, российской цивилизации. А на уровне региона – самобытности Северного Кавказа. Проблема эта диалектическая, противоречивая. С одной стороны, в подчеркивании своей самобытности ничего предосудительного нет. Более того, оно необходимо, чтобы подчеркнуть, что механический перенос чужих социальных порядков, какими бы хорошими они ни были, недопустим и не эффективен. Но уяснение своей самобытности является всего лишь предварительным условием выработки оптимальной модели социального развития. Если же общество заикливается на своей самобытности, она превращается в самоцель, и это не только не позволяет решить назревшие проблемы, но и усугубляет ситуацию.

В первые постсоветские годы большая часть общества (как руководства, так и народа), можно сказать, не готова была признать и принять факт «окончательного» распада СССР, думая, что происходящие процессы – это своеобразные «болезни роста». Многие, если не большинство, видимо, все же верили, что после определенных шараханий республики бывшего СССР в той или иной форме вновь воссоединятся. Сейчас эти иллюзии улетучились, и для большинства стало очевидным, что нам надо самоопределиваться. Не случайно поэтому вновь актуализировался вопрос о том, кто такие россияне, т.е. проблема российской идентичности. Эта проблема активно дискутировалась и в 1990-е гг. Но тогда становление российской нации рассматривалась через призму формирования гражданской нации [8, с. 21-41]. Однако сейчас стало очевидно, что «российское гражданство» и «российская идентичность» отнюдь не одно и то же, и что формирование российской идентичности – сложный, многоаспектный и длительный процесс [1, с. 31-37].

На первом этапе преобладала ошибочная точка зрения относительно роли идеологии в жизни общества. В частности, подчеркивалось, что, мол, заранее нельзя создавать абстрактную идеологию и навязать ее обществу, что новая идеология должна сама постепенно вызревать в недрах общества. Хотя ошибочность этой точки зрения специалистам и тогда было ясно, но сейчас это очевидно уже практически для всех. Но, правда, и к этому вопросу надо подходить диалектически. Если речь идет о том, что невозможно обществу навязать какую угодно идеологию, то это, конечно же, верно. Но если идеологию понимать как набор ключевых принципов и ценностей устройства общества, которые предлагаются как некий ориентир, то она обязательно нужна. Более того, такая идеология обязательно должна наличествовать. В этом смысле идеология не вторична, а, напротив, первична. И К. Маркс совершенно справедливо подчеркивал, что теория становится материальной силой, если она овладевает массами [7, с. 422].

Представляется, что реинтеграция в России должна начинаться с идеологического пространства [3, с. 17-21]. Иными словами, сначала нам необходимо предложить хотя бы в общих чертах новую идеологическую доктрину. Конечно же, она не может начинаться с «чистого листа». В идеологической доктрине важно не допускать разрыва времен. Опора на прошлое есть важное, необходимое условие дальнейшего развития, однако единство должно быть и по отношению к настоящему, и по отношению к будущему. В этой цепочке времен первоначально наименее значимо настоящее. Настоящее это место пересечения прошлого и будущего. Настоящее всегда оценивается через призму прошлого и будущего. Человек гордится таким настоящим, которое превосходит прошлое и одновременно содержит основу для лучшего будущего. Значение настоящего в большей степени как раз заключается в том, чтобы связать прошлое и будущее. В этом плане можно отметить опыт советской эпохи. Первоначально, как известно, в настоящем в разрушенной гражданской войной стране нечем было особенно гордиться. Однако идеология, направленная на будущее, сумела, что бы сейчас ни говорили, сплотить различные народы. Сначала люди больше жили будущим, чем прошлым и настоящим. Впоследствии хватило здравого смысла вернуть прошлое, т.е. опереться на достижения и ценности прошлого, которые могли бы способствовать консолидации общества. Вовремя подоспели и определенные достижения и настоящего, которые уже стали прошлым и своеобразным фундаментом единства. Но и негативный опыт советской модели очевиден – если настоящее становится серым, а будущее не становится настоящим, то социальное время как бы приостанавливается, застывает.

В этом плане встает вопрос о том, можно ли связать прошлое, настоящее и будущее России, и как это сделать. К позитивным достижениям последних лет можно отнести «реабилитацию» прошлого. Если для первых постсоветских лет было характерно полное отрицание всего советского прошлого, то сейчас возобладал здравый смысл, происходит новая «переоценка ценностей», в которой заметное место занимают ценности из советского прошлого. Вместе с тем можно заметить, что это скорее эклектичное соединение ценностей различных эпох, нежели логически выстроенная, продуманная и обоснованная система.

В настоящем в нынешней России тоже мало что может стать базой для консолидации, кроме как проблемы восстановления порядка, борьба с экстремизмом, и т.п. Но еще раз можно подчеркнуть, что настоящее важно не само по себе, а как «мостик» в будущее. Поэтому отсутствие в нашем настоящем крупных достижений хотя и плохо, но, как говорится, не смертельно. Важнее обозначение ориентиров и ценностей, способных консолидировать общество. А это и есть суть идеологии. Только идеология, гармонично связывающая различные времена жизнеспособна. Такой идеологией может стать только идеология, опирающаяся на наши достижения, и ставящая целью построения более справедливого общества. Подробное описание такой идеологии не входит в нашу задачу, поэтому не будем вникать

в детали. Тем не менее, целесообразно обозначить круг проблем, которые должны быть освещены в такой идеологической доктрине.

Одна из ключевых идей, которая во все времена спланивала людей, это идея создание социально справедливого общества. Заметный рост ностальгии по советским временам убедительно показывает, что нынешняя социальная система многими россиянами, если не большинством, рассматривается как менее справедливая, чем советская. Понять людей не трудно. За истекший период социальная поляризация в нашей стране достигла беспрецедентных масштабов: с каждым годом увеличивается количество миллиардеров, а дистанция между сверхбогатым меньшинством и беднеющим большинством становится все больше. Еще хуже обстоит дело с региональным измерением социальной поляризации. В таких условиях ни о какой консолидации, интеграции общества не может быть и речи.

Представляется, что отсутствие каких-либо позитивных сдвигов в этом направлении в нашей стране в значительной мере вызывается ошибочной интерпретацией сущности социальной справедливости. Необходимо различать два измерения социальной справедливости [5, с. 207-215]. Первое измерение – это *способ* распределения социальных благ, а второе – *соотношение количества* получаемых различными социальными группами и индивидами социальных благ. Поскольку в советское время господствовало понимание социальной справедливости как справедливого распределения социальных благ, что неизбежно вело к социальной уравниловке, постольку возврат к ней рассматривается как «большее зло», чем нынешняя социальная поляризация. Поэтому вопрос ставится некорректно: либо уравниловка, либо поляризация. А неприятие российским обществом такой постановки вопроса объясняется его отсталостью, традиционалистским менталитетом, склонностью к уравниловке и т.п. С этим никак нельзя согласиться. На самом деле людей отвращает способ распределения социальных благ.

Конечно, нельзя сказать, что уже имеются готовые социально-философские теории, которые можно было бы взять за основу. Но есть и такие теории, которые могли бы быть эффективно использованы. В частности, теория справедливости Дж. Роулза [10]. Теория Роулза опирается на два основных принципа: принцип равных свобод и принцип дифференциации. Неравенство, по его мнению, оправданно только в том случае, если оно способствует социальному развитию. Причем, согласно первому принципу – принципу равенства свобод – существуют так называемые первичные блага (свобода, благосостояние, и т.п.), которых никто не может быть лишен ни по каким причинам. А второй принцип – принцип дифференциации – гласит, что неравенство в остальном допустимо только в том случае, если оно выгодно и для наименее преуспевающих. Иначе говоря, каждый человек может преуспевать сколько угодно, но при этом его успешная деятельность должна одновременно способствовать улучшению жизни и остальных. Не трудно предположить, что социальная система, в которой применялись бы подобные принципы, была бы гораздо более привлекательной, чем нынешняя.

Социальная справедливость предполагает достаточно высокого уровня материального благосостояния общества, следовательно, наличия эффективной экономической системы. Вместе с тем нельзя игнорировать то обстоятельство, что эффективность отнюдь не является единственным и даже самым главным измерением экономической системы. Конечно, неэффективная экономическая система неизбежно подрывает единство общества. Однако и эффективная экономическая система вовсе не детерминирует единства общества. Экономика является инструментом, а не самоцелью. Поэтому экономическая система должна способствовать интеграции общества.

Чрезвычайно сложной в поликультурном обществе является проблема культурной интеграции. Советский принцип «культура национальная по форме, социалистическая по содержанию» в свое время позволил найти некоторые точки соприкосновения. В рассматриваемом плане нас интересует то обстоятельство, что он как раз предполагал в определенной мере оптимальное сочетание культурных достижений различных эпох (в вертикальном измерении) и различных народов (в горизонтальном измерении). Прежде всего, этот принцип отнюдь не требовал полностью отречься от своего культурного прошлого (конечно, если не считать первые годы советской власти). Он, конечно, основывался на выборочном подходе к культурным ценностям прошлого. При этом, к сожалению, под влиянием примитивно понятого классового, идеологического подхода были допущены грубейшие ошибки, нанесен большой вред культурному достоянию. Но никакие перекосы и трагические по своим последствиям ошибки не снимают вопроса о выборочном подходе к культурному достоянию. Ведь всем прекрасно известно, что далеко не все культурные ценности и традиции способствуют социальному развитию. Для социального развития обществу, как политическому руководству, так и населению необходимо решить вопрос о том, на какие культурные ценности оно должно опираться. Уклоняться от решения этого вопроса ничем не лучше, чем совершать ошибки в выборе. Складывается впечатление, что сейчас в нашей стране в целом и в регионах в частности возрождение любых традиций стало чуть ли не самоцелью. Такая политика зачастую вместо развития приводит к архаизации социальных отношений. По крайней мере, на Северном Кавказе это очевидно.

Кроме того этот принцип предполагал через развитие национальных культур прийти к их сближению. Обратим внимание на то обстоятельство, что исходным является развитие национальных культур. На примере Северного Кавказа можно однозначно сказать о больших достижениях в национальных культурах в советский период. Государство проводило политику стимулирования развития национальных культур. Тем самым создавалось единое культурное пространство. Сейчас специалисты справедливо отмечают, что если бы в постсоветский период жили и творили бы Р. Гамзатов, К.Кулиев, Д. Кугультинов и А. Кешоков, о них в России, вероятно, никто не знал бы [9, с. 10].

Важнейшую роль в реинтеграционном процессе играет сфера образования. В первые постсоветские годы широкое распространение получила

парадигма образования как процесса предоставления услуг. Сейчас стало очевидно, что роль образования вовсе не может сводиться к простой трансляции научных знаний. Именно в образовательном процессе закладываются духовные ценности, объединяющие людей. Если образовательное пространство разрывается, разрушается и духовное единство. Это касается не только школьного образования, но системы высшего образования.

Немаловажную роль в этом плане играют науки, особенно социально-гуманитарные. Сейчас государство как бы забыло, что наука это не только вид познавательной деятельности, дающий новые и полезные знания, но и социальный институт, и сфера культуры. Иными словами, наука оказывает большое влияние и на развитие культуры, и на социальную консолидацию. Однако это не может быть стихийным процессом.

И здесь уместно еще раз вернуться к опыту советской модели. Разберем это на примере исторической науки, играющей особенно важную роль в формировании исторического сознания. Как известно, советская модель стимулировала развитие региональных исследований в области истории. При этом региональные истории должны были быть вписаны в общенациональную историю. Конечно, это имело множество негативных следствий. К примеру, имеющие неоднозначную оценку события трактовались однозначно, односторонне. А другие события, которые не вписывались в общую схему, просто замалчивались. Но эти перекосы отнюдь не суть доказательство ошибочности этой стратегии. Консолидация невозможна без координации усилий. Конечно, координацию нельзя подменивать диктатом, как это было раньше.

В постсоветское время диктат ушел в небытие, но и координацией никто не занимается. В результате «историки на местах замкнулись в «этнических квартирах», отдавшись без оглядки изучению истории «своих» народов, а в итоге оказавшись в зоне конфронтации с ближайшими соседями и в новом плену мелкотемья исторических исследований» [6, с. 77]. Реальностью научной жизни региона стали «вульгарная политизация и безудержная идеологизация сферы исторического знания, откровенное манипуляторство историко-политическими стереотипами массового сознания, прямое и широкое включение историков в политическую борьбу» [2, с. 83]. Тем самым влияние региональной истории на общественное сознание становится если не негативным, то неоднозначным.

Опять же заметим, что это следствие поверхностно понятого либерального подхода к данной проблеме. В частности, предполагается, что гражданское общество в лице ученых без диктата государства само должно прийти к определенному консенсусу по этим вопросам. Это верно в том смысле, что гражданское общество, в данном случае, ученые должны быть более активными. Конечно, и учеными немало делается для этого [6, с. 76-81]. Но это не снимает необходимость государственных координаций подобных усилий.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в нашей стране сложились определенные объективные обстоятельства, которые могут благоприятствовать реинтеграции российского общества. Однако для этого необходимы политическая воля, с одной стороны, и идеология, в которой однозначно и привлекательно изложены основные направления и цели реинтеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. – 2013. – №4. – С. 31-37.
2. *Боров А.Х.* Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». – 1996. – Вып. 2. – С. 83-92.
3. *Волков Ю.Г., Кочесок Р.Х.* Реинтеграция России как методологическая проблема // Научная мысль Кавказа. – 2013. – №4. – С. 17-21.
4. *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия: формы исторического взаимодействия. – М.: Поматур, 2000. – 286 с.
5. *Кочесок Р.Х.* Пределы демократии. – Нальчик: Кааб.-Балк. ун-т, 2007. – 225 с.
6. *Кузьминов П.А., Кумыков А.М., Дзамихов К.Ф.* Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. – 2013. – № 6. – С. 76-81.
7. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. Т.1. – С. 414-429.
8. *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. – 2007. – Май-июнь. – С. 21-41.
9. *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. – 2013. – №4. – С. 9-17.
10. *Rawles J.* Theory of Justice. – London: Oxford University Press, 1971. – 560 с.

УДК 32.001

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-12-20

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Р.Х. КОЧЕСОКОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru*

Аннотация. В статье доказывается, что в настоящее время в России сложились некоторые объективные обстоятельства, которые могут благоприятствовать выработке оптимальной модели реинтеграции российского общества. Отмечается, что говорить о том, что «постсоветская модель» реинтеграции сложилась, пока явно преждевременно. В ее становлении можно выделить два этапа, которые кардинально различаются по своему вектору развития. На первом этапе (первое постсоветское десятилетие) политическая элита и общество в целом, увлеченные наивно понимаемым либерализмом, опирались на положение о том, что экономические интересы сами по себе консолидируют народы, создадут

гармоничные политические отношения между центром и регионами, а также породят адекватную идеологию. Однако вместо углубления интеграции произошло ослабление единства. На втором этапе складываются благоприятные объективные обстоятельства. Прежде всего, осознание политическими элитами и обществом ограниченности либеральной модели. Кроме того, осознание ошибочности понимания идеологии как производного. В статье подчеркивается особая роль идеологии в процессе реинтеграции.

Ключевые слова: реинтеграция; российское социальное пространство; модель интеграции; российская идентичность; идеология.

ON THE FEATURES OF MODERN REINTEGRATION OF NORTHERN CAUCASUS INTO THE RUSSIAN SOCIAL SPACE

R.KH. KOCHESOKOV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru*

Abstract. This article argues that in Russia now there are some objective circumstances, which favor the development of optimal model of reintegration of Russian society. It is noted that it is still too early to say that the «post-Soviet model» of reintegration has fully developed. In its development, two stages can be distinguished, which radically differ in their developmental vector. At the first stage (the first post-Soviet decade), the political elite and society as a whole, carried away by naively conceived liberalism, relied on the proposition that economic interests themselves consolidate peoples, will create harmonious political relations between the center and regions, and also will create an adequate ideology. However, instead of deepening integration, the unity was weakened. At the second stage favorable objective circumstances develop. First of all, the political elites and society realize the limitations of the liberal model. In addition, awareness of the erroneous understanding of ideology as a derivative. The article highlights the special role of ideology in the process of integration.

Key words: reintegration; Russian social space; model of integration; Russian identity; ideology.